

Олег Губарь

«Мы – спина к спине – у мачты...»

Евгений Михайлович Голубовский – «моя броня и кровная родня». Если бы не его деятельное участие, моя судьба могла бы сложиться как-то иначе. Вполне вероятно, не сумел бы реализоваться по тому сценарию, который выстроился в итоге.

«Вечернюю Одессу» и «Комсомольску искру» в 70-80-е читал весь город. Аудитория составляла сотни тысяч. Сегодня о таком многие СМИ могут только мечтать, в том числе сетевые. Даже штатный сотрудник мог проснуться знаменитым или, по крайней мере, широко известным благодаря буквально одной острой, актуальной или занимательной публикации. «Вечерка» в самом деле зажигала звезды. Дервянко, Гипфрих, Михайлик, Лившин, Лошак, Романов, Розов, Крохмалева, Кердман, Грудев, Рыковцева, Женевская, Марущак, Ромм... Вечеркинцы были не менее популярны, нежели солисты оперы, ведущие актеры оперетты, русского театра или лидеры «Черноморца». Голубовский – эрудит, книжник, мастер, заведующий отделом культуры; публикации чрезвычайно востребованные, далеко не всегда «идеологически выверенные», часто новаторские.

С Евгением Михайловичем меня познакомила словесница Лидия Мартыновна Полуянова, мать знакомого одесситам старшего поколения художника Алеши Лопатникова. То был довольно сложный для меня период: после перенесенного клещевого энцефалита заново учился ходить, настраивался оптимистически, стал что-то пописывать в университетской газете, куда перевелся в штат с одной из кафедр естественных наук. Тут я как бы не о юбиляре, а о себе любимом, но вне этого контекста не удастся объяснить значимость роли Голубовского. Он не только человечески вошел в мое положение, но заметил и оценил мои

потуги на литературную деятельность, что-то во мне распознал. Мало того, после нескольких чисто краеведческих публикаций умело закамуфлировал под эту серию один из моих первых рассказиков. По тем временам это было событие, памятное по сей час.

Евгений Михайлович всегда пристально, с нескрываемым интересом, равнодушно наблюдал за моей повседневной работой, стимулировал, сопереживал, ставил вопросы, предлагал варианты, регулярно и деликатно указывал на то, что помимо «короеденья» в природе существуют и другие творческие занятия. Это усваивалось незаметно, исподволь, открывало какие-то неведомые шлюзы, реализовывалось в неожиданных проектах.

К самым близким людям – родне, друзьям, товарищам – всегда самые завышенные требования. И это нормально, если проецировать таковые запросы симметрично на себя. Наверное, я не всегда бывал симметричен в отношениях с Е. М.: обижался, сердился по пустякам, что-то некорректно трактовал, чего-то не понимал или не хотел понимать, с чем-то не мог или не желал примириться и т. д. и прочее. Извинительное молодечество, юношеский максимализм... Но, подчеркиваю, это нормальные родственные отношения старшего и младшего. Тут как раз тот случай, когда важно не столько рационально понять, истолковать, сколько иррационально прочувствовать, интуитивно довериться сердцу.

Евгений Михайлович – вот такой человек, которого люблю сердцем. Всякие мелкие разногласия, разночтения, нюансы – дело житейское, в конце концов, «Отцы и дети» – и о нас. Пардон за пафос и патетику, мы плечом к плечу прошли непростые десятилетия, а теперь, когда «о душе пора подумать», не по своей воле угодили в водоворот событий и их чудовищных последствий. Но убежден, сможем выстоять до конца: «Мы – спина к спине – у мачты. Против тысячи вдвоем!».

Мы – семья. Нанесенное Голубовскому или его домочадцам оскорбление – это оскорбление, нанесенное лично мне. Его (их) неприятности, горести, несчастья, как и радости, успехи, удачи – тоже мои, а мои – его (их). Мы всегда рядом. Как ни наивно это прозвучит, но я хочу, чтобы так было всегда.

Фото Анны Голубовской